

Татьяна ИВЛЕВА

Татьянин день

С
Т
И
Х
И

Татьяна А. Ивлева

Татьянин день

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11874190

Татьянин день: стихи. / Ивлева Т. А.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-9905980-6-5

Аннотация

Основу сборника «Татьянин день» составляют стихи, написанные Татьяной Ивлевой в первое десятилетие нового столетия – в период с 2000 по 2013 год. Многие стихи этих лет не вошли ни в один из четырех сборников поэтессы, но в эти же годы публиковались на страницах различных европейских и интернациональных журналов, альманахов и антологий. Автор, давно живущий в Германии, сохраняет верность темам творчества, духовного поиска, душевных состояний и состояний природы. Темы утраченной родины, неразделённой любви и одиночества поэта часто имеют иронический оттенок. Попытка осмысления прошлого, чувство ответственности за сегодняшний день и поиск ответов на вечные вопросы – вот сквозная линия этого сборника.

Содержание

Горящая свеча	4
«Вся жизнь, казалось, впереди...»	8
Перекрёсток	9
Времена года	10
«И сказал Господь, окончив дело...»	11
«О Ты, что слово первое сказал...»	12
«Всё тоньше слух и всё острее зрение...»	13
«Кисть рябины на белом снегу...»	14
«Не мечтается, не верится...»	15
«Бледный ангел, мой хранитель...»	16
Февраль	17
Синдром хандры	19
Ода горящей свече	20
Mea culpa	21
Сны по Фрейду	23
Три ангела	25
«В дни испытаний, смуты и сомненья...»	26
Певчий ангел	27
Вместо завещания	28
Татьянин день[3]	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Татьяна Ивлева

Татьянин день

Горящая свеча

Со стихами Татьяны Ивлевой я познакомился в 2012 году в совместной публикации на страницах журнала «ЭДИТА», издающегося в Германии. Была в её стихах безыскусная нотка горечи, пробуждающая ощущение жизни – такой неугомонный зелёный побег, не сливающийся с вычурными мраморными и гипсовыми арабесками, заполнившими окружающее пространство.

И вот теперь «Татьянин день». Название книги примечательно не только совпадением имени, но и открытой исповедальностью. Это итог прожитых дней, или, как признаётся автор в стихотворении, посвящённом известной поэтессе Ольге Бешенковской:

«свод памяти – ларец хрустальный
для праздничных и для нормальных
рабочих календарных дней
из жизни прожитой моей,
где от субботы до субботы
растёт высокий пласт работы
и беспокойства, и заботы

о каждом, Богом данным дне...»

Исповедальный характер книги подчёркивает и присутствие в ней ангелов. Певчие, бледные, отверженные – они отнюдь не хранители, но сами нуждаются в защите. Они сродни автору, ищущему опору среди хаоса бытия. Некий символ, несущий свет, надежду и гармонию. Должны же ангелы быть хотя бы в небе, если напрочь перевелись на земле... Впрочем, небо – ненадёжная опора. Если взлететь и удаётся, то «с промокившими насквозь ногами», «теряя высоту», сознавая, что «в облаках затаилась выюга» и что «босоногой и бездомной» нет места в иной судьбе. И всё же, ангел Татьяны Ивлевой остаётся певчим даже с остуженной сквозняками головой, даже «на границе тьмы и света», хотя Эссен, где поэтесса живёт, находится в самом центре Европы, с давних пор по праву считающейся колыбелью человеческой культуры и цивилизации, донельзя обременённой этим грузом. Но дело даже не в географии, а в самосознании автора, в состоянии его души, той самой, через которую проходят все трещины мироздания. В одной из них затаилась ностальгия. Достаточно расхожая тема для эмигрантов. Однако ностальгия Ивлевой особого рода: до мельчайших подробностей вспоминает «беглянка» «казахстанскую ночь», но тоскует не от невозможности вернуться в покинутый некогда край. Да и нет сейчас такой невозможности: пересечение границ с визой в паспорте перестало быть проблемой. Всё гораздо страш-

нее: физическое перемещение в пространство с географическими координатами родины тоски не излечит. Потому что там больше нет отчего дома, в котором не попрекали *«ни рублём и ни куском»*, потому что, оборачиваясь на зовущие голоса, увидишь только *«пустой причал»*. Именно это ощущение необратимости времени, рвущего живую ткань души, более всего дорого мне в стихах Татьяны. Тем более что она по-своему мужественно и упрямо противостоит душевным невздам и нарастающему вокруг хаосу. И свеча на письменном столе, борясь за *«душу опалённую»*, горит, *«не жалея воска»*. Горит не напрасно. *«Одинокая скамья в круге гибнущего сада»* хотя и явственно видна, но она пока ещё не для Татьяны Ивлевой.

Да, она может декларативно заявить: *«Я давно уже не верю в беззаветную любовь»*... И не то чтобы лукавит при этом: Татьяна Ивлева всегда искренна и честна в своих стихах. Страждущая душа соткана из противоречий, странным образом сплетающихся и уживающихся, создавая невыдуманную жизненность. Мнимое равнодушие Лорелеи, которая, казалось бы, только и занята расчёсыванием своих длинных золотых волос сказочным гребнем да пением дивных песен, вдруг прерывается глубинным, неожиданным, полным тоски и обиды: *«даже смерти твоей не желаю»*. А в волнах всемирного потопа не покидает мечта обрести *«плот для двоих»*. Что ж, даже всемирный Потоп когда-то заканчивается. Поиск же истины предела не имеет.

И пока *«карий конь с тяжёлой чёлкою»* пьёт воду у ворот, ничего не кончено. И Татьяна Ивлева будет упрямо выстраивать гармонию мира из *«хаоса обломков и теней»*, шептать сокровенные строки сквозь фосфорическую звёздную сеть вселенской исповедальни.

Я знаю, она будет услышана. Потому что *«сердце вещее»* не устаёт указывать верный путь.

*Валерий Рыльцов Ростов-на-Дону,
2013 г.*

«Вся жизнь, казалось, впереди...»

Есть времена, есть дни...
С.Надсон

Вся жизнь, казалось, впереди.
Всё складно, ладно и отрадно.
Все предстоящие пути
Сходились на крыльце парадном.
Не в тягость были рюкзаки
На перевалах, и казалось
Судьбой пожатие руки
В сиротском хаосе вокзала.
Воздушным шариком извне
Душа на ниточке летала,
И мало, Боже мой, как мало
Для счастья нужно было мне!
Пока парила я во сне,
Дремал на полке скорбный Надсон...
И дело близилось к весне.
Был март. И было мне семнадцать.

2006 – Эссен

Перекрёсток

На перекрёстке старый дом,
Где дверь пернатым подражает:
Взмахнув единственным крылом,
Встречает или провожает.
Знакомой лестницы пролёт —
В нём каждый звук чеканно-чёткий.
В том доме девочка живёт,
Светясь протуберанцем чёлки.
В проёме белого окна,
Как примадонна на экране,
Сирень цветущая видна —
Она щекой прильнула к раме
И смотрит, не спуская глаз,
На девочку с тетрадкой школьной,
Где ямб неожиданный – в первый раз —
Возник – среди формул – самовольно.
О неумелый первый стих,
Но в нём уже судьбы примета...
Склонился, удивлён и тих,
Над ним торшер с лорнетом света.

Времена года

Да здравствуют осень, весна и зима!
Да здравствует щедрое лето!
А также и Тот, кто – в сиянье ума —
Однажды придумал всё это.
Нужны всем на свете зима и весна,
И осень, и яркое лето.
А я? Для чего и зачем я нужна,
Дыханьем июня согрета?
Какой во мне толк? И какой во мне прок?
Песчинка, былинка, пылинка...
Тире, многоточия, ниточки строк,
Да странной судьбы паутинка.
Глядит Он из тьмы миллионами глаз,
Глядит, не давая ответа.
Он мудр и всевластен. Он пестует нас.
А это – благая примета.
Он шепчет: «Дитя, выпей чашу до дна!
Мы в тесном родстве... И запомни:
Ты так же, как все, и нужна, и важна —
Не зря вас держу на ладони...»

«И сказал Господь, окончив дело...»

И сказал Господь, окончив дело:

– Будешь бранным, будешь тленным, тело.

Дам лишь миг земной тебе уделом.

Не войдёшь вовек в мои пределы.

А тебе, душа – ночная птица,

Дам надежду к светочу пробиться.

Научись любить, страдать, молиться —

И тогда открою дверь темницы.

2001 – Эссен

«О Ты, что слово первое сказал...»

О Ты, что слово первое сказал
И отпустил его в предел земного,
Ты – что мне свет, Ты – что мне зренье дал,
Дай острый слух – Твоё услышать слово,
Летающее эхом среди скал.

2002 – Рюген

«Всё тоньше слух и всё острее зреньё...»

Ольге Бешенковской

Всё тоньше слух и всё острее зреньё,
Всё злей и новоявленное жизнь...
Где взять мне единицу измеренья,
Чтоб в эту меру душу уложить?
Язык души не выразить словами,
Но для чего-то нам даны слова —
С живучими и древними корнями,
Как вечная, бессмертная трава.
Гонцы – от человека к человеку —
Какую весть несут в себе слова?
Посланники души на вехах века,
Слова – то откровенье, то молва,
То – летопись судьбы круговорота,
То – вешний ход оттаявшего льда...
Слова, слова – начало той работы,
Какая не кончалась никогда.

2006 – Штутгарт

«Кисть рябины на белом снегу...»

Кисть рябины на белом снегу —
Поздней нежности зрелое слово.
По лыжне проторённой бегу,
Песне Сольвейг поверить готова:
Ждать всю жизнь, о себе позабыв,
Как молитву, твердить твоё имя...
Оглянуться — а жизнь позади.
Не молитвами живы одними.
Закипает метель вдалеке,
И горит, так пронзительно ярк —
Вскрытой раной на белой руке —
Запоздалый осенний подарок.

2001 — Эссен

«Не мечтается, не верится...»

Не мечтается, не верится,
Не слагается... Тоска.
А Земля по кругу вертится,
Как рулетка у виска.
Годы выстрелами щёлкают,
Целясь в жилку на виске.
Карий взгляд под рыжей чёлкою —
Револьвер дрожит в руке.
И дрожит душа-невольница,
Не повинная ни в чём,
За неё с поклоном молится
Бледный ангел за плечом.

2004 – Эссен

«Бледный ангел, мой хранитель...»

Бледный ангел, мой хранитель,
Умоляю, чуть дыша:
Посети мою обитель,
Робко крыльями шурша!
Слышу – дождь стучит по крыше,
Вижу дно луны в окно,
Но тебя мне ни услышать,
Ни увидеть не дано.
Оттого-то и не верю
И затворницей живу,
Оттого закрыты двери.
Остальное – дежа вю.

2011 – Эссен

Февраль

Февраль. Достать чернил и плакать!
Б.Пастернак

До слёз больную зиму жаль,
В душе и за порогом – слякоть.
Мне пастернаковский февраль
Велит достать чернил и плакать.
И плачу, плачу в три ручья,
Как дух февральской непогоды.
О чём? – Не всё ль равно? Ведь я —
Частица взбалмошной природы.
Переживём с ней как-нибудь
Вираз февральский високосный,
Мятежный, снежный, влажный бунт
Во мне и в воздухе гриппозном.
Наплачемся навзрыд и всласть
За все растаявшие зимы:
Они приходят, чтоб пропасть —
Белы, прозрачны, уязвимы,
Непредсказуемы, тихи,
Сродни и сумраку, и свету,
Швыряют, как снежки, стихи
Влюблённому в февраль поэту.
И голубая кровь чернил

По белой, будто снег, бумаге,
Ручью весеннему сродни,
Течёт в размашистой отваге.

Февраль 2008 – Эссен

Синдром хандры

На душе тоски пятно,
На дворе закат маячит.
Если б стукнула в окно
Клювом ласточка удачи,
Удивлённый звон стекла
Отозвался б в сердце эхом,
И тоска б с души стекла
Не слезой, но звонким смехом.

2004 – Эссен

Ода горящей свече

Похоже, о душе забыли боги,
Погрязшие в рутине вечных смет.
Но мой рабочий стол, как темпель¹ строгий —
На нём свечи сошёлся клином свет.
Свеча горела, не жалея воска,
Отпугивая тени за спиной,
Сошедшие ко мне с полотен Босха,
Чтобы в ночи расправиться со мной.
Свеча во мрак своё вонзала жало,
С бесстрашием приняв неравный бой.
То замирало пламя, то дрожало,
От мрака заслонив меня собой.
Подсвечник медный цвета купороса
Поддерживал свечу в ночном бою.
Сто тысяч лет никто так не боролся
За душу опалённую мою.
Гори, свеча, верши ночное бденье,
Тебя поставлю во главе угла —
Примером героическим свеченья
На бранном поле моего стола.

2007 – Эссен

¹ Темпель (в переводе с идиш «Святыня») – храм, место для религиозных обрядов.

Mea culpa

Моя вина. Зачем винить кого-то?
Ведь знала точно цену наперёд
Любви до рокового поворота,
Друзьям до чёрных адовых ворот.

Моя вина... Ну, а душа сгорала
И превращалась в пепел и золу,
Вновь из золы и пепла восставала,
Изведав цену и добру, и злу.

Не жаль не впрок растраченного злата,
Пустых надежд, изношенных в пути:
Любая дань – лишь малая расплата,
Чтоб душу опалённую спасти.

Моя вина! А ей скитаться вечно —
Изгнанницей – в беспамятстве времён.
Мгновеньем беспощадно быстротечным
Её земной удел определён.

Что станет с ней, бесплотной, за пределом
Телесного земного бытия?
Господь спасёт ли, разлучая с телом?
Жаль, суть исхода не узнаю я.

2008 – Мадрид

Сны по Фрейд

Когда из тёмной глубины
слепого океана ночи
всплывают, как медузы, сны,
светясь и голову мороча,
приоткрывая тайный смысл,
тревожа сердце, душу, разум,
неясную внушая мысль —
подспудно понимаешь сразу:
мы все в презумпции вины,
мы все по горло виноваты,
но не других – себя вины
за шанс, упущенный когда-то,
в сражении с самим собой
не отступить и не сдаться,
и в схватке со слепой судьбой
невинным, как дитя, остаться.
Дитя... Невинно ли оно?
Скорее, просто суверенно.
Предугадать нам не дано,
какие в нём схлестнутся гены.
Там, на Всевышней глубине,
где скидок нет летам и рангам,
мои деяния ко мне
кривым вернутся бумерангом.

И в покаянье упаду
на ослабевшие колени,
чтоб в этом, не земном аду
за тот – земной – просить прощенья.

2005 – Эссен

Три ангела

Безрадостны прогнозы по весне,
И ненадёжна почва под ногами...
Виной не дождь – похоже, это с нами
Неладно что-то, как в тяжёлом сне.
Из колбы ада выплеснута муть,
Палач ночной тоски казнит удушьем.
Три ангела спасают наши души,
Рискуя в адской мути утонуть.
В Армагеддоне силится душа
Преодолеть грозу ночной химеры...
Три ангела на помощь к нам спешат:
Извечные – Любовь, Надежда, Вера.

2011 – Эссен

«В дни испытаний, смуты и сомненья...»

В дни испытаний, смуты и сомненья,
Когда судьба превратна и горька,
Господь, не дай смиренья – дай терпенья
И сохрани от власти дурака.

2002 – Рюген

Певчий ангел

Ни приюта, ни привета —
Сквозняками лоб стужу.
На границе тьмы и света
Певчим ангелом служу.

В пух и перья крылья драны.
Мрак. Вселенная в тоске.
Две запёкшиеся раны —
Вражьи метки – на виске.

Рвутся в бой, ломая лиры
И Вселенную круша,
То вервольфы, то вампиры,
То заблудшая душа...

И косит незрячим оком,
Бледен, стар и одинок,
В замешательстве глубоком —
То ли месяц, то ли Бог...

Вместо завещания

Я завещаю золото врагам —
Пусть при делёжке загрызут друг друга!
А злейшему из них – стальной наган
С глазком «рулетки русской» – для досуга.

Сопернице – мой сказочный хрусталь,
В нём высока свинца и света проба!
Пусть ей клянутся лживые уста
В любви навек и верности до гроба.

И завещаю всем моим мужьям
Отваги – каждый сам себе подсуден.
За медный грош их дьяволу продам —
Пусть вместо дров он их в огонь подсунет.

Мой сын, меня напрасно не брани,
Тебе завещан крест работы редкой
С молитвою «Спаси и сохрани»
На языке твоих славянских предков.

Чиновникам надменным подарю,
За их бесчинства, скаредность и вредность —
От бублика российского дыру

И две дыры от брецеля² – на бедность.

Я храму завещаю образа,
Чтоб, отражаясь в зеркале купели,
Их строгих ликов скорбные глаза
Вам прямо в душу пристально глядели.

Ты – вещая, мятежная душа,
Тебя я завещаю в руки Бога.
Плоха ли ты была иль хороша,
Решит лишь Он у Вечности порога.

Пророческие вымыслы стихов
Я завещаю тем, кого любила —
Весь пыл души и всю полынность слов
Для них, любимых, я в стихи вложила.

А мой довольно чопорный портрет
Я подарю знакомому поэту.
Сонета мне не посвятил поэт,
Но, может, посвятит сонет портрету.

2000 – Эссен

² Брецель – баварский солёный крендель – закуска к пиву, эмблема пекарей в Германии; по вкусу напоминает русский бублик.

Татьянин день³

Сыну Рудольфу

Январь намёл забвения снега,

³ По старой русской традиции Татьянин день отмечается в России 25-го января.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.